

PAPER

ТЕМА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РАССКАЗЕ Н. ДАВКАРАЕВА «ОДИН ИЗ МНОГИХ ДНЕЙ»

А. А. Аманова^{1,*}

¹канд. филол. наук., доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Каракалпакский государственный университет г. Нукус, Республика Каракалпакстан

* amanova145@gmail.com

Abstract

В данной статье рассматривается тема гражданской войны в рассказе Н. Давкараева, проблема развития каракалпакского рассказа 30-х годов XX века, становления литературы, ориентированной на новоевропейские художественные принципы в их специфическом советском варианте.

Key words: каракалпакский рассказ, гражданская война, тематика, констатация, европеизированная и русская лексика, образно-речевые средства.

Рассказ Н. Давкараева – «Один из многих дней» – посвящен начальным событиям нового исторического периода, событиям гражданской войны. Но нетерпеливому писателю тесно в каких бы то ни было хронологических рамках. Он непременно хочет сказать свое слово и о мрачном прошлом, и о трудной борьбе за светлое будущее, и о настоящем, которое, по мысли автора, постепенно замещает это будущее. В малом, частном он хочет видеть большое, всеобщее.

«Один из многих дней» был написан еще в 1926 году и опубликован в

1929-м. Это самое начало каракалпакской художественной прозы. И у нее уже глобальные претензии, в смысле проблематики, тематического разброса, совершенно нового для каракал-

паков художественного языка. Характерна первая же фраза «Одного из многих дней»: «Когда мы, выйдя из аула, начали собираться, солнце, только поднимаясь, лучистым светом стало нагревать всю землю». [3, с. 65] Необычна вообще проза, необычно какое-то непонятное, сразу не разъясненное «мы» (читатель не знает заранее, о ком читает и от чьего лица ведется повествование) неизвестно еще, куда «мы» собираемся, и только лучистое солнце вполне привычно.

Далее выясняется, что «мы» — это дети, возвращающиеся после каникул из родного аула туда, где они учатся (это не уточнено, сказано только, что их «и русские, и казахи учат» — [с. 66]). Их отправляют на лодке. Напутствуя ребят, «чуть позади, закрыв лица, плачут две старухи»

Compiled on: January 4, 2026.

Copyright: ©2025 by the authors. Submitted to International Journal of Science and Technology for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) 4.0 license.

- показательно, что именно старухи и именно закрыв лица, то есть все-таки стесняясь выражения своих «отсталых» чувств. Кто-то их успокаивает:

«- Перестаньте, не плачьте! Если вам сын единственный, правительство лучше вас воспитает, если благополучно вернется, похоже на один день будет!» [с. 65]. В разговорной речи пропущено логическое звено: имеется в виду, что ничего страшного, даже если сын единственного (разумеется, дело не в том, что единственного легче воспитать). Вряд ли это сознательная имитация бесхитростной речи простого человека, скорее всего, сам писатель торопится чужими устами как -нибудь поскорее выразить свою мысль; точно так же атрибутом авторского сознания являются уверенность в том, что детьми занимается ни много ни мало «правительство» (это тот же «революционный» максимализм и глобализм). Провожающие, кроме двух старух, никак не персонифицированы, но психологически достоверно, хотя и без каких-либо сложностей, обозначено состояние ребят: «При виде стоящих на берегу людей разные мечты какие только мысли не вызывают в памяти» - сказано пусть неловко, однако точно по сути; следующая фраза (о сидящих в лодке), содержащая и конкретную предметную деталь (в лодке, видимо, тесно), продолжает ту же мысль: «Каждый, сидя на своей одежде, смотрит вниз» [с. 65].

Столь естественное в данной ситуации молчание прерывает светловолосый рулевой, который просит ребят рассказать что-нибудь («Пусть покороче будет дорога»). Только один утомленный с виду «черный мальчик» откликается на просьбу и отвечает на задаваемые вопросы. Оказывается, это его запомнил рулевой в тот год, когда ребят отправляли на учебу: он тогда пытался убежать. «В то время я был дураком. Ничего не знал. Был сыном одного бедняка» [с. 66]. Использование мотивировки здесь еще не слишком искусное, вряд ли какой-либо мальчик мог, только что расставшись с родными, упомянуть своего отца так социологически обобщенно- в качестве «одного бедняка». Но потом писатель как бы поправляется, мальчик рассказывает целую историю (сдержанно, кратко): зимовали в городе, он посещал школу,

учитель Рахим потом приехал за ним, чтобы совсем забрать его на учебу, но пришлось это делать с милицией, поскольку родители его запугали: «не ходи, станешь русским, возьмут в солдаты» [с. 67] - неизвестно, что для этих темных людей страшнее («стать русским» - то есть, видимо, кафиром, перестать быть мусульманином, а уж в солдаты, понятно, легче попасть кафиру, чем неграмотному правоверному). Но на уровне этих живых сценок писатель не удерживается. Мальчик начинает морализировать: «Теперь как подумаем - в те дни, оказывается, но были такие глупые. Теперь знаем, что значить учеба. Теперь не только мы, но и вся молодежь поняла. В эти дни нет отбоя от желающих ехать на учебу» (мальчишка уверенно выступает от лица «всей молодежи»). - автор же от себя комментирует: «... так объяснив значение учебы, сидят вдвоем и хорошо так беседуют» [с. 67]. - забыв о том, что «мы» — это школьники и происходящие можно показывать с точки зрения одного из них (ничего «ребячего» нет в этом комментарии). Можно, конечно, предположить, что «черный мальчик» так разговорился под влиянием проявлено к нему внимания со стороны взрослого небезразличного человека, но, пожалуй, это было бы усложнением намерений писателя, который озабочен прежде всего тем, чтобы прославить новую жизнь, несущую людям, в частности, свет учения.

Показаны, как летит по воде лодка, как работают гребцы, что происходит на берегу - в частности, до плывущих доносится «голос скота». Есть яркие пейзажные зарисовки, складывающиеся в картину наступающего лета. Так, «камни, раскачиваясь от дуновения, переливаются различными оттенками, с музыкой, как будто склонились в знак уважения перед будущим счастьем» [с. 68].

Не совсем понятно, природное или человеческое «счастье» имеется в виду, поступление лета или грядущая учеба. Наверно, скорее все-таки второе, но возможность неоднозначной интерпретации не исключено, и это в данном случае достоинство. Вместе с тем упоминается доносящаяся до плывущих «чья-то гневная ругань на кого-то», к чему добавлено: «Слышно, как что-то матерят лодочники, которые борют-

ся с арканом и не могут заставить лодку идти против течения» [с. 69]. Это тоже достоинство; Н. Давкараев еще в свободе от неимоверного пуританства литературы будущего «зрелого» сталинизма.

Рассмотренная первая (меньшая) часть рассказа, безусловно, – лучшая его часть. К сожалению, начинающий писатель просто не мог ограничиться набором зарисовок и несколькими диалогами, ему необходимо было, чтобы в произведении происходило нечто весьма значительное. Потому возникает еще один персонаж – тоже из числа плывущих в лодке, сопровождающих детей, но привлекающий внимание кого-то из его товарищей, а значит, и читателя совершенно внезапно. Персонаж этот вводится невразумительной фразой: «Поговорив, спев, спустя некоторое время Аралбай рассказал, что-нибудь сказал» [с. 69]. Каракалпакский литературный язык на тот момент еще не выработан, знаки препинания отсутствуют, совершенно неясно, обратился ли к кому-то какой-то Аралбай или кто-то неназванный обратился к какому-то Аралбаю. Лишь в конце произведения становится ясно, что верно последнее. Вплоть до финальных абзацев идет рассказ этого Аралбая. Впрочем, отчасти как бы объяснимо, почему именно его. Во-первых, ему есть что рассказать, он воевал с басмачами, даже командовал каким-то отрядом. Во-вторых, это человек обстоятельный и рассудительный: «Подумав некоторое время, сняв с головы шапку, потерев лоб, начал ...» [с. 69]. Следует подробное описание одного дня столкновений красноармейцев и идейных добровольцев с басмачами, чему посвящено семь страниц из 12-ти.

Это не «история», не «случай» с завязкой и развязкой, которые обычно свойственны литературным сюжетам. Н. Давкараев владеет сюжетом плохо. Его цель – непосредственно продемонстрировать, что новая счастливая жизнь потребовала трудной и опасной борьбы (и тем она, стало быть, ценнее). События в рассказе Аралбая механически пристыкованы друг к другу и вряд ли способны самим их развитием привлечь внимание слушателей (которым, правда, некуда деваться). Но писатель о слушателях просто забывает. Едва начавшись, рассказ об одном дне уже довлеет себе и со всем предыдущим

соотносится лишь благодаря заданной идеологической схеме – противопоставлению «новая жизнь – ее цена».

Начало рассказа героя дано в фольклорном стиле, отражающем скорее прямо от автора идущую «поэтизацию»: «Ушло спокойствие земли, не один раз, а несколько раз подвергшаяся набегу и разграблению земля Конград не могла вольно насладиться сверкающими небесными лучами цветущей Советской власти ...» [с. 69]. Именуя басмачей, рассказчик, разумеется, называет только верхушку: «... властвую и высасывая кровь народа, бек, старший из баев, Кутлымурат-бий, Ибралы казы, Темиралы после установления Советской власти, сбежав в Кызыл кумы, спрятавшись в тугаях Ку-га, примкнув к туркменским басмачам, грабили землю» [там же]. Получается, что простые люди среди басмачей были разве только из числа известных своими разбойными традициями туркмен, но не из миролюбивых каракалпаков.

Показан бой с басмачами за неназванный город (что, конечно, чисто литературная уловка, особенно в «устном» повествовании), разные перипетии этого боя освещаются уже вполне бесхитростно. Характерно, что ни один персонифицированный красный герой не погибает: примитивный «оптимизм» будущей лакировочной литературы в скрытом виде присутствует уже здесь. Впрочем, кроме рассказчика в этой «истории» сколько-нибудь заметное место занимает только один джигит – Полат, который неожиданно попадает в плен (как именно – не показано), сразу же там не погибает, потому что Кутлымурат-бий не дал его убить, сказав: «не убивайте этого глупца, из мусульмана ставшего кафиром, после того, как возьмем город, перед народом повешу» [с. 74-75]. – мотивировка достаточно убедительная, – а потом прикладом его собственной винтовки и вскочив не басмаческого коня. Рассказчик Аралбай не сообщает, как он узнал об этих обстоятельствах, а известны ему даже переживания, ожидающего виселицы Полата. Полат, естественно, предается горестным мыслям и стоит, скав кулаки почему-то не связанных рук (в общем-то ясно почему: автор не придумал для него иного способа бежать, чем тот, которым лихой джигит воспользовался). После упоминания сжатых кула-

ков, обреченного без всякого перехода, сообщается «Когда стоящий возле него в карауле басмач проходил рядом, быстро выбил из его рук ружье ...» и т.д. [с. 75]. Оказывается, тупой басмач еще и гулял недостаточно далеко от несвященного пленника.

Столь же внезапно выпутывается из трудной ситуации рассказчик с другими товарищами. Басмачи их окружили в доме и дом подожгли. «Изнутри огонь, снаружи враги – очень растерялись. Подбежал к воротам и бросил гранату во двор. Сказав, сразу открыл ворота, скачите за мной, поскакал во двор. Басмачи и окружили ... Басмачей, оказывается, много. Наши джигиты бросились врассыпную» [с. 71]. Только сказал, что «очень растерялись», и тут же оказывается, что не очень, он во всяком случае. Столь же внезапной представлена и конечная победа. Хотя в произведении показан образец тактического искусства одного из красных командиров (эпизод с зарослями камыша, которые непременно надо захватить раньше басмачей), последовательной подготовки читателя к благополучному исходу отнюдь нет, читателю просто не положено испытывать какие-либо сомнения по такому поводу. После сообщения о возвращении, бежавшего из плена Полата сразу говорится: «Все вместе, после полудня, прогнали басмачей с канала «Айран» [с. 75]. Следуют некоторые подробности о том, как их гнали, и еще один любопытный эпизод. «В то время, когда мы гоним басмачей, стреляем, из одного маленького дома выходит дым. Послушали снаружи, слышны голоса разговаривающих туркмен» [там же]. Оказывается, двое, повесив ружья на стену, зажигают огонь под казаном. Врываются красные, приставляют им свои ружья к груди, те бросаются к своим и, естественно, падают сраженные. Ни у самого героя-рассказчика, ни у его слушателей (о которых автор забыл) не возникает никаких вопросов: ни почему эти двое в безнадежной ситуации попытались сопротивляться (неужели туркменским басмачам честь дороже жизни? Или знали, что их ждет?), ни даже почему этих двоих в столь неподходящее время, когда все бегут и по ним стреляют, донял неодолимый голод и им вздумалось приготовить обед. автору и герою нужно, чтобы он убивал басмачей, он и убивает, не сомневаясь ни в чем и ни о чем не

задумываясь. Это только добавляет лучей к его геройскому венцу.

Заканчивая рассказ, Арапбай называет точную дату происходящего – 21 апреля 1923 года – и переходит к обобщению. В средневековом сознании, не только восточном, но и западном, часть непосредственно представляет или замещает целое [2, с. 90–93, 283], единичное непосредственно выражает общее или всеобщее. Безусловно, первые каракалпакские прозаики отнюдь не до конца преодолели сознание этого типа, да и государственный феодализм, именовавший себя социализмом, со своим классовым подходом не так уж далеко от него ушел. В восточных литературах на это наложилась вековая традиция морализаторства. Морализирует и Арапбай в «Одном из многих дней». Помимо прочего он сообщает следующее: «Каракалпакский народ до Октябрьской революции, не имевший ничего (ни имени, ни звания), сейчас благодаря тому, что Октябрьская революция дала равенство, достигает больших побед.» Большие победы, по словам героя, состоят в том, что «открыли несколько средних школ, открылось несколько курсов, несколько сот ребят учатся. Благодаря Октябрьской революции, достигнув равенства, в таких городах, как Ленинград, Москва, в других городах обучают, послав, сына» [с. 76]. Не забывает Арапбай ни развивающееся хлопководство, ни руководящую партию. Тут автор внезапно вспоминает слушателей Арапбая, но не ситуацию, в которой он их покинул (плывущих в лодке по бурной Амударье), и вместо показа их реакции сообщает: «Лодочники, сказав «попьём чаю», вышли во двор» (получается – из плывущих лодки). Не вспоминает автор и о первоначальном «мы», о плывущих в лодке ребятах, и завершает произведение от своего имени: «В тот день, когда исполнилось четыре года автономной области каракалпакского народа, я вспомнил слова Арапбая» [с. 77]. Надо ли это понимать так, что первый условный повествователь (один из «нас» – это был автор в первой юности? Возможно, но утверждать что-либо категорически нельзя, слишком много в этом неумелом, хотя и отмеченном искрами таланта рассказе несообразностей (в том числе в первой, лучшей половине: ребят почему-то увозят на учебу в начале лета, не сказано, по каким

водам плыла лодка, пока не достигла Амударьи).

Лучшие места в рассказе – независимые от идеологии. Это упоминавшиеся картины и такие, например, сравнения, несущие отпечаток национального своеобразия: «... лодочники готовят свои весла и шесты, как птицы, встряхивающие крылья перед полетом». «Сумасшедшая вода с ревом текущей Амударьи, как только лодка вошла в нее, понеслась, как храбрый заяц» (с. 65, 68).

Литература

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. – Москва: Советская Россия, 1979. – 318 с.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.
3. Давкараев Н. Один из многих дней. Полн. собр. соч. Нукус, Каракалпакстан, 1970. Т. I. С.65 (подстрочный перевод здесь и в других неоговоренных случаях мой – А.А) Далее страницы этого издания указываются в тексте.
4. Нурмухamedов М.К. Довоенная каракалпакская проза. Нукус, Каракалпакское государственное издательство, 1959. 158 с.
5. Amanova A.A. Ideological and artistic features of karakalpak novel of 1930S. Science and education in Karakalpakstan. N 4/2(37). Нукус, 2023. ISSN 2181-9203